

В. И. Бойко. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1977, 280 с.

Вопрос о «выравнивании» уровней социального развития социалистических наций и народностей неоднократно ставился в трудах советских ученых, в том числе и социологов. В связи с этим следует упомянуть работы Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробизево, В. В. Пименова, Ю. Каха. Наиболее полно, на наш взгляд, на конкретном социологическом материале этот вопрос освещен в коллективном труде «Социальное и национальное» (под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробизево, О. И. Шкаратана. М., 1973).

В последние годы советская социологическая наука уделяет большое внимание социальным процессам, происходящим во вновь осваиваемых районах Сибири и Дальнего Востока. В ряде случаев крупнейшие сибирские производственные объединения и территориально-производственные комплексы размещаются в местах исторически сложившегося расселения коренных народов. В районах новостроек резко увеличивается численность населения, изменяется его национальный состав. С развитием крупной индустрии и урбанизацией районов расселения коренных жителей существенно изменяется спектр их профессиональной занятости за счет переориентации на новые виды занятий. В этих условиях возникает вопрос о выборе оптимальных форм и методов социального управления процессами интернационализации и интеграции во всех сферах жизни народов Сибири и Дальнего Востока.

В связи с изменением условий жизни коренного населения одного из быстро развивающихся регионов нашей страны — Хабаровского края (его социально-экономическое развитие еще более ускорится после введения в строй БАМа) — возник ряд проблем. Им посвящена рецензируемая монография. Ее автор — В. И. Бойко — в течение ряда лет возглавляет научный коллектив, занимающийся исследованием современных социальных процессов у малых народов Севера.

Монография состоит из шести глав, введения и заключения. Небольшие по объему две первые главы посвящены вопросам методологии и методики социологического исследования. Автор обосновывает выбор объекта и предмета исследования, дает описание методик сбора и обработки социальной информации.

В общей сложности при сборе статистических данных было использовано 15 методик, а при выявлении мнений и оценок самого населения — 12. Процедура соединения разноплановой информации, собранной на основе нескольких методик, чрезвычайно трудна. Автор рассматривает несколько приемов, с помощью которых могут быть синтезированы разнородные данные. Наиболее удобен, по его мнению, метод «распознавания образов», впервые примененный в социологических исследованиях Т. И. Заславской и И. Г. Загаруко¹. К сожалению, в книге не показано, как сочетались описанные методы обработки информации и какой метод применялся для того, чтобы соотнести статистические, анкетные и другие источники.

Центральной в монографии является третья глава — «Основные тенденции социально-профессиональных изменений». В ней исследуются социально-профессиональная структура коренного городского и сельского населения, его отношение к труду, характер и темпы социально-профессиональной мобильности народов Нижнего Амура. На большом фактическом материале В. И. Бойко показал, какой огромный путь прошли народы Нижнего Амура в социальном развитии за сравнительно короткий исторический срок. Каждый пятый работающий насаец и каждый четвертый ульч, проживающие сегодня в сельской местности, заняты преимущественно умственным трудом (стр. 113). Снижается доля работников неквалифицированного и малоквалифицированного труда. Широкие возможности выбора занятий в отраслях народного хозяйства Хабаровского края реализуются народами Нижнего Амура достаточно полно. 33% городского населения занято в промышленности, 20,5% — в строительстве, 12,5% — на транспорте и предприятиях связи (стр. 115). В последние годы темпы изменения социально-профессиональной структуры постоянно нарастают. Наиболее мобильная группа в процессе социального развития — молодежь. Интенсивность изменения социально-профессионального статуса наиболее значительна среди лиц моложе 30 лет.

Начиная с 60-х годов народы Нижнего Амура активно переориентируются на разное рода технические профессии. Приведенные автором цифры, таблицы, графики убедительно показывают, что у народов Нижнего Амура, как и у населения других регионов, происходит формирование социально однородного общества. В процессе формирования современной социально-профессиональной структуры народов Севера, с одной стороны, решается задача социально-профессиональной дифференциации на основе разделения труда и профессионализации, с другой — развивается процесс социальной интеграции, создается социально однородное общество.

Сделанные автором выводы о тенденциях изменения социально-профессиональной структуры народов Нижнего Амура в основном справедливы и для других народов

¹ «Распознавание образов в социальных исследованиях». Новосибирск, 1968.

Севера. Однако в третьей главе имеются некоторые спорные положения. Складывается впечатление, что автор считает целесообразным постепенное вытеснение традиционных форм хозяйства и видов занятий народов Севера, которые, по его мнению, если и нужно сохранить в некоторых местах, то только в качестве основы для прикладного искусства (стр. 114). Здесь уместно заметить, что традиционное северное хозяйство (оленьеводство, охота, рыболовство) в настоящее время в целом рентабельно, а его сохранение экономически оправдано. На основе традиционных занятий появились новые профессии, требующие высшего или среднего специального образования (ветеринары и зоотехники по оленеводству, охотоведы, ихтиологи и т. п.). Важную роль в экономике народов Севера играет и базирующееся на местной фауне звероводство.

Вызывают возражение отдельные элементы типологии социально-профессиональных групп. Так, в помещенной на стр. 59 схеме профессионально-квалификационной структуры работающего сельского населения работники умственного труда разделены на две группы: служащие высокой квалификации и остальные служащие. Первая группа в свою очередь подразделяется на две подгруппы: специалистов сферы нематериального производства и выборной и должностной руководящий состав. К сожалению, автор оставил эту узловую схему без подробных комментариев. Читателю не вполне ясно, какие именно профессии включает в себя группа «остальные служащие». Возникает также вопрос, что понимается под термином «должностной состав»? Если автор имеет в виду сельскую производственную интеллигенцию (инженеров, агрономов, экономистов, ветеринарных врачей и т. п.), то неправомерно ее объединение в одну социально-профессиональную группу со всем выборным персоналом, так как на выборную работу рекомендуют, как правило, представители разных социально-профессиональных групп.

В четвертой главе исследуются ценностные ориентации народов Нижнего Амура в области материальной и духовной культуры. Глава насыщена богатым фактическим материалом и содержит выводы, важные для понимания современных социальных процессов у народов Севера. Проанализированные В. И. Бойко результаты анкетирования коренного и русского населения, проживающего в регионе, показали, что степень удовлетворенности и уровень потребностей у всех народов Нижнего Амура и у русских имеют тенденцию к сближению, в особенности у молодежи и у лиц с более высоким образованием (почти полное совпадение).

В книге показано, как по мере социального и культурного развития коренного населения удельный вес межличностных каналов информации снижался и возрастала доля всеобщих источников информации: газет, радио, кино, которые к настоящему времени стали доминирующими во всех слоях населения. Выход за рамки утилитарных запросов, ориентация на информацию широкого диапазона свидетельствуют о возросшем уровне духовных потребностей народов Нижнего Амура. При этом подчеркивается, что в динамических по своему существу потребностях коренного и русского населения больше общего, чем частного, специфического. Автор справедливо подчеркивает важность процесса интернационализации ценностных ориентаций (в диалектическом единстве интернационального и национального ведущим является интернациональное), но, на наш взгляд, уделяет мало внимания исследованию ориентаций на сохранение национальных черт в культуре. Между тем это крайне необходимо, ибо интегрированная культура советского народа периода развитого социализма — это многообразие различий, представленных в единстве. Ориентация на национальные культурные ценности свидетельствует о сохранении культурного своеобразия того или иного народа.

Важной отличительной чертой социального развития народов Нижнего Амура является урбанизация их образа жизни. В пятой главе монографии основное внимание уделено процессам урбанизации и миграции коренного сельского населения в города. Исследовав направления и структуру миграционных потоков коренного населения, В. И. Бойко отметил следующую их особенность: урбанизация коренных народов не выходит за пределы районов их традиционного обитания (мигранты переселяются в основном в города Хабаровского края). Таким образом, географическая среда и окружение остаются прежними и поэтому адаптация к новым видам труда, новым условиям жизни дополнительно не усложняется. При данной системе расселения уровень внутринационального общения не только не снижается, но, наоборот, значительно интенсифицируется, так как теперь в действие вступают новые побудительные мотивы, обусловленные производственной необходимостью. Все это дает автору возможность сделать важный вывод о том, что процесс урбанизации не приводит к рассеиванию национальной общности народов Нижнего Амура; дальнейшая консолидация их происходит на более высокой основе. Город становится центром профессиональной подготовки и сосредоточения творческой национальной интеллигенции. В. И. Бойко выделяет три целевые установки миграции в города — переезд «на работу», «на учебу», «к родным», процентное соотношение их среди опрошенных соответственно равнялось 76,5, 19,1, 4,4%. В возрастной структуре миграционного потока наиболее представительны группы молодых возрастов. Удельный вес мигрантов в возрасте 16—29 лет составляет в целом по массиву 58%, а по отдельным народам он поднимается до 80% (стр. 195).

В последней, шестой главе автор рассмотрел некоторые аспекты социально-демографической структуры народов Нижнего Амура. В ходе социалистических преобразований у коренного населения изменился характер социально-демографических процессов. Распалась «большая семья», навсегда исчезли опустошительные эпидемии. Анализ

структуры семьи по типу, составу, количеству детей в сопоставлении с возрастом ее главы позволяет автору сделать вывод о завершении процесса формирования у народов Нижнего Амура семей, по своей структуре однотипных с русскими семьями. Уровень брачности у народов Нижнего Амура почти совпадает (ниже среди мужчин) со средними значениями по РСФСР.

Половозрастная пирамида у народов Нижнего Амура, по данным В. И. Бойко, в целом имеет более широкое основание, чем соответствующая пирамида по СССР, но сужается она быстрее, что свидетельствует о высокой рождаемости и низкой детской смертности. Однако уже в 60-х годах стала проявляться тенденция к снижению естественного прироста населения, в последние годы он сохраняется на уровне средних значений по региону (стр. 263). В связи с этим не совсем понятен призыв автора к сокращению рождаемости в целях повышения «качества личности» в соответствии с «общественным предписанием» (стр. 259, кстати, о каком предписании идет речь?). Говоря о воспитании детей в семье, автор не уделяет достаточного внимания оценке роли и значения школы-интерната в формировании личности ребенка. Ведь не секрет, что сельская семья в рассматриваемом регионе не имела, а зачастую не имеет и сейчас необходимых культурных ресурсов для воспитания личности «нового социального качества». Этот недостаток восполняют дошкольные учреждения и школы-интернаты, ставшие за годы Советской власти основной формой социализации подрастающего поколения, формирования его социалистического сознания.

В заключение, подводя итоги исследования, В. И. Бойко пишет, что в стратегии управления социалистическим строительством в предыдущие годы основное внимание уделялось подъему культуры, улучшению быта, повышению образования, внедрению социалистических форм хозяйствования. В настоящее время сформированы все необходимые субъективные факторы (достижение определенного уровня образования, новые ценностные ориентации в области культуры и быта), позволяющие перейти к новому этапу развития коренных народов. Решающим фактором изменения образа жизни рассматриваемых народов выступает интернационализация их общественной жизни.

Монография В. И. Бойко — интересное и содержательное исследование, которое, несомненно, заинтересует научную общественность, практических работников и широкий круг читателей.

В. Г. Бабаков

М. К. Кадырбаев, А. Н. Марьяшев. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977, 230 стр., 111 илл.

В настоящее время в советской и зарубежной археологической литературе наблюдается резкое возрастание интереса к памятникам первобытного искусства вообще, и в частности к наскальным рисункам. Только за последние годы состоялось несколько международных симпозиумов по общим и региональным проблемам их изучения (в Норвегии, в Швеции, Италии, Франции, Канаде, Австралии и др.). В этом плане рецензируемая работа представляется вполне своевременной. Однако ее актуальность не исчерпывается положением на одном из магистральных путей истории первобытной культуры. Она имеет и более широкое общественное значение, особенно в связи с принятым недавно Законом СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», привлекаая внимание общественности к особому виду памятников древнего искусства — петроглифам, которыми так богаты Казахстан и приграничные с ним районы Южной Сибири, Алтая и Средней Азии.

В отличие от других памятников древности, «законсервированных» на века толщей почвенных напластований, наскальные рисунки наиболее «беззащитны» перед современным человеком, не всегда осведомленным об их исторической и научной ценности. Особый вред памятникам древней наскальной графики причиняют туристы, стремящиеся с упорством, заслуживающим лучшего применения, увековечить свои имена на плоскостях, содержащих, как правило, наиболее интересные рисунки.

В этих условиях ускорение темпа научного изучения наскальных рисунков, их копирования, фотографирования и публикации, а также консервации становится настолько необходимым. Очаги первобытного искусства на территории нашей страны в Восточной Сибири, на Урале, Кавказе, Карелии и др. уже стали объектом крупных научных публикаций в монографиях А. П. Окладникова, Н. Н. Дикова, А. И. Мартынова, В. Н. Чернецова, И. М. Джафарзаде, Ю. А. Савватеева и других исследователей, а не менее богатые по количеству и разнообразию петроглифы Средней Азии и Казахстана пока даже узкому кругу специалистов известны только частично по разрозненным статьям в специальных изданиях и популярным книжкам. Таким образом, книга М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева восполняет существенный пробел в археологии Казахстана, вводя в научный оборот серию первоклассных материалов и тем самым привлекая внимание общественности к необходимости бережного сохранения памятников первобытного искусства и их дальнейшего научного и художественного осмысления